

Посулёныш Царю-самоедину

Жил хресьянин, пошел в лес стрелять, увидел на дереве птицу; хочет стрелить ю, она ему и змолилась: «Не стрелей меня, возьми домой, прокорми неделю, я тебе пригожусь». Он ей и взял, купил стару лошедь ей кормить. Неделю прокормил, пришли в лес, птица в дуб носом уткнула, нос подрожал. «Корми меня ишшо неделю». Он прокормил другу неделю. Тыкнула в дерево носом, дуб пошатнулса. «Корми меня третью неделю». Прокормил третью, опять пошли в лес, птица в дуб клюнула, дуб верх корёнью и пал. «Ну, хресьянин, теперь поедем на мою родину за роцётом». Она и полетела, он пошел. Шли, шли, пришли в серебрено царьско. «Поди под окошко, спроси, этта ли живёт Нагой-птици сестра, этта, дак выкупи брата, а если скажот: «Што за выкуп?» — спроси ларьця». Он и спросил, как велела, сестра и говорит: «Хоть жалко братця, да не отдать ларьця». Полетели в другó, золотó цареву, и друга сестра таким жо манером не выкупила. Пошли в третье цареву, и скажет: «Этта ли Нагой-птици сестра живёт? Этта, дак выкупи брата». — «А што за выкуп?» — «Просил ларьця». — «Ну, веди братця». Пришли к сестры, отдали хресьянину роцёт. «На, тебе на твою вековщыну будет». Птица у сестры осталась, и он остался; прожил три недели, птица хресьянина домой повела, вывела, распростились.

Шол, шол и сблудил, и думат себе: «Ходил я столько годов, а што мне дали — шкатулька? Дай я посмотрю, што в ей есь». Отворил, сделалась полата, всё в ей есь, чего в душу идёт; он обрадел, запер и пошел. Шол, шол, не знат куда итти. Слышит лошедь едет, на лошади сидит чарь-самоедин, у коня из ушей огонь машот, из ноздрей цяд несёт. Хресьянин и змолился ему: «Батюшко, выведи меня на дорогу, совсем заблудилса». — «Посули, чего дома не знашь». Думал, думал. «Я всё дома знаю. Ну, давай, цё не знаю, тоё пусь тебе». Чарь-самоедин и повёл на дорогу. «Поди, — скаже, — тут твоя деревня. Смотри, помни, штобы готово было на это число, што мне посулил, а нет, дак помни!»

Пришел домой, его вышли из дому стрецать, жона ведёт мальчика за руку на шестом году. Он и сам себя за рот. «Ох-те мне, сына-то я и посулил». Им ницего не сказыват, про себя молцит, шипит. Ящик отворил, полаты роскинул, всего довольнё — живут. Думат себе: «Быват, пройдёт так». Паренёк уж стал лет двенадцети. Пошел на улицы играть, да и стрелит

бабушки-задворенки ка́менём в стекло. Бабка ему и говорит: «Ах ты, негодной посулёныш царю-самоеди́ну». Он пришол домой и говорит: «Батюшко, зачем меня посулил царю-самоеди́ну? Посулил, а не сказывашь?» Мать подорожников настряпала, повопели, повопели, распростились. Шол-шол-шол, пришол — две дороги: по одной дороги трава зелёна, по другой дороги горох насыпан. Он и думат: «По которой итти? Зелёна трава — та́я хресьяньска дорога, а пойду я по гороховой, што-небудь бу́де». Шол-шол-шол, пришол — колодець, кругом камышь-трава, он за эту траву и сел. Сидел-сидел, пришло трицетъ одна девиця, завели купатьця, вси платье положили в куцю, а одна особе́. Он скажо: «Я уж подхи́цю, она мне всё роска́жо». Взял и подхи́тил. Оны все окупáлись и ушли, она одна осталась и запове́ртывалась, и говорит: «Хто это надо мной шутит? Стара старушка, дак пусь мне бабушка; буде красна девиця, пусь мне сестриця; а буде мо́лодой молодець, дак пусь мне богосу́жоной жених. А знаю, хто шутит: Иван хресье́нской сын. А чего ты долго к батюшку не едёшь, он по тебе скуча́ицьця, смотри поежжа́т за тобой». Он вышол, платье бросил, она наделась. «Слушай Иван хресье́нской сын, отец приедет встречею, будет пылить, рьенить, ты скажи: «Я не знал». Распростились, он пошол себе потихоньку.

Вдруг земля буньци́т, Царь-самоедин еде, встречу за им поехал. «Ах ты, мошенник! Ты це́ ко мне не являись-ся?» — «Извините, я не знал, мне отец не сказал». Царь на коня его взял и привёз домой, поставил в конюхи. В конюхах прослужил чесно три́ годы, его поставил в ключьники; чесно прослужил три́ годы. «Женись, — говорит, — я тебя женю». — «А у меня и невесты нету». — «Дам тебе и невесту, уме́й только выбрать». Царь привёл тридцетъ одну доцьер в один рост, в один толст, в одну красу. Иван ходил, ходил, надо выбрать ту, с которой говорил, никак не можно выбрать. Девиця взяла в руках платок пошевелила, он и догадался, ей и вывел. «Эта моя богосу́жена невеста». Отцу ей жалко. «Оставь до завтра, завтра выведешь». — «Нет, коли раз уж же́нелось, дак другóжды мне не надь». Царь ему и сказал: «Ну, Иван хресье́нской сын, умно ты родилса, да с умом ты и женилса». Отвел им полату жить. Стали они жить, зеть стал ходить к царю с визитом каждо утро. Царь его порáто любил, думны сенаторы и говорят: «Мы век ему служили, да он нас так не поцитат». Стали они ему мутитьця, а жена и говорит: «Уйдём прочь в твою деревню». Коня да лошедь да телегу взяли, да и уехали. Когда подъехали к волости, он ей оставил у бабки-задворенки. «Пусь тебя хорошенько стретят». Пришол затим, его стретили, по́дпили, подкути́ли, да он ю и забыл. Родители задумали его женить, он и согласилса женицьця. Невесту сосватали, за

невестой его требуют, он и похóдит. Жона узнала, бабке и говорит: «Бабка, поди-ко купи ячменю». Бабка купила, она в горшóцьку болтáла-болтáла-болтáла, в печь и вылила. А оттуль из печи вылетели голубок да голубка. Она в платок завернула да на свальбу и пошла. Пришла на свальбу, их из платка и выпустила. Голубь от голубки летат проць, а голубка и запела:

— Не забудь, голубь, голубушка,
Не так, как Иван хресьёньской сын
Федóру-премудру в цистом поли.

Заволновались народ и говорят: «Портéж, портéж». А он очуствовался. «Ой, я жонатый, отпустите меня». Вышел из за стола, жону взял, да и стали жить.

(Дементьева Наталья Михайловна)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.